

Персональная выставка Константина Дверина, состоявшаяся в самом начале лета в Новокузнецком художественном музее (с 15 мая по 9 июня 2019 г.), была представлена как творческий отчёт автора за последнее десятилетие. В центре экспозиции такие работы художника как «Дюрер. Переложение», «Посвящение Леонардо» – своеобразный эксперимент, авторская попытка завершить знаменитый труд гениального Леонардо да Винчи «Поклонение волхвов». На выставке представлены и совершенно новые картины, ещё незнакомые новокузнецким зрителям.

Открытый Дверин

...Непереносимо-яркий детский летний день: июль, очень жарко, небо выцвело от солнца, сонные шмели сосут медуницу, как щенята – мамку. А ты прачешься в пахнущей сухим берёзовым листом золотистой прохладе, подкарауливая домового. Свет просачивается сквозь щели, делая мир вокруг таинственно-полосатым. Он ослепляет даже сквозь зажмуренные ресницы, от него перед глазами пляшут разноцветные пятна и даже текут слёзы. И вдруг кто-то трогает твою босую ногу мягкой лапой – с криком непереносимого ужаса вылетаешь в белый день. А на пороге зевает удивлённый кот Васька...

И так со многими картинами Константина Дверина: ты проскальзываешь в них как за закрытую дверь, оказываясь в мире, который любишь.

И вот уже идёшь, ойкая, по речному мелководью (колкие камушки кусают ноги). Воды здесь где-то до щиколотки: она жёлто-зелёная от солнца и кустов, пятнами светотеней лежащихся на горячую гальку.

Сквозь неё просвечивают пальцы и прыскающие в стороны щекотные рыбки. Пахнет тиной. А внутри тебя всё пружинится, тянется, звенит – очень приятно чувствовать своё тело полностью. Как сокращаются мышцы и бежит весёлая кровь. Ощущаемые кожей теплоту и движение воздуха. Все звуки и запахи.

Он непростой – любимый тобою мир. И не всегда наполнен невероятным солнцем: как не всегда оно бывает даже летом. Если только в детстве... Когда тебя словно несёт – как

ГУЛЯЯ ПО ВЫСТАВКЕ...

разогнавшийся поезд по сливающемуся в нескончаемый безмятежный мазок туннелю. А в ушах стоит невероятный грохот: стучит кровь, лязгают непоправимые детские обиды, мелькают заветные тайны заоконной темноты и яркие весёлые платформы незнакомых остановок. Но однажды остаётся только тишина, вспоминающая пролетевший поезд. Тишина и скрип качелей, когда-то поднимавших тебя до неба, так что от страха и счастья даже тела своего не ощущаешь, точно ты – это тоже небо, а оно летит вместо тебя под облаками.

Теперь эти старые качели вздыхают под тёплой тяжестью твоего одиночества. Но ты встанешь и пойдёшь, потому что ещё нужен этому миру: чтобы в него глядеться. Пожалеть. Понять. Ощутить, благодарно принимая, его сиротство. Как стоят пугливые стада деревьев. Как перекатываются мягкие волны травы. Как сонно переливается круглое зеркальце воды (такие появляются на месте упавших метеоритов и бомб). Как облака закрывают небо, будто детские руки, закрывающие глаза маме, чтобы та улыбнулась...

И всё это дыхание и глубина, и робкая теплота ждущей жизни.

Но оглянуться не успеешь, а в твоих глазах уже выражение наступающей зимы, чью неотвратимость ни с чем не спутаешь: продуваемый ноябрём пустырь и мягкий белый снег на

высушенной летним солнцем пижме, от вида которой почему-то становится невыносимо грустно. Чашкой кофе от этого не спастись – острое чувство потери, как промозглый холод, пробирает тебя до костей.

Это странное хрупкое время – между осенью и зимой. Все лужи сморщились от сырого ноябрьского ветра, а потом застыли (может, и до весны, а может, и навеки). И ты тоже застываешь, будто чего-то ждёшь: на границе времён, как на границе миров, – глядя вверх так пристально, точно там кто-то есть.

Наступают ранние ветреные сумерки, так что низкое небо становится невидимым. Только слышно, как на землю неумолимо ложится снег. Зябнут пальцы и ноют колени, но ещё что-то дышит на небе сквозь сырую осеннюю дрожь.

А ты несёшь печальными плечами скуку прошедшего дня, торопясь в тепло, домой, к золотому жару натопленной печки, гудящей, как довольный жизнью кошачий рой. Если присесть перед распахнутой раскалённой дверцей и поворошить, не лентяя, кочергою огонь, он трещит и ворочается, так что уютно слипаются глаза...

На выставке Константина Дверина в музее искусств множество узнаваемых дверей, которые хочется открыть. Это не только бесконечно повторяющиеся калитки и дверцы в бесприютных заборах и

заснеженных хромых избушках, робко улыбающихся тёплыми огоньками окошек-глаз. Это два зала пахнущих маслом метафор, размышляющих о мире и человеке в нём. Об одиночестве. О сиротстве. О любви.

Художник любит деревянные, скрученными в единое целое, распятыми и обожжёнными прошедшей стужей жизни, раскачиваемыми голыми ветками-руками, как большие бегущие люди.

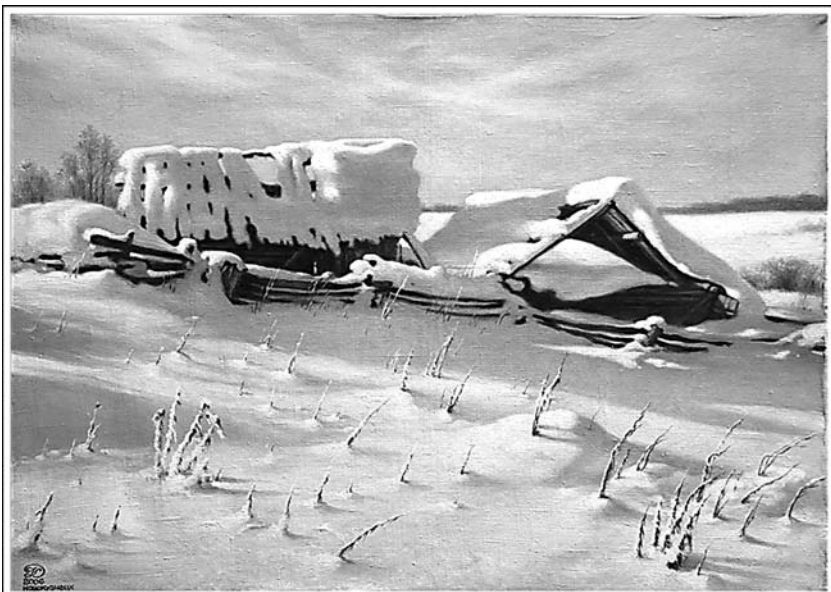
Он будто гладит взглядом – и послушной кисточкой – избалованных этой лаской животных. И превращает портреты стариков в иконы.

Дверинские старики – они как родина. Земля. Деревья. Нуждающиеся в молодой заботе кривобокие и щелястые строения: избушки, заборы, стайки. Мягкие морщины пригорков. Натруженные узлы корней. Лучистая теплота выцветшего от долгого солнца неба.

Они беспризорные – как сгорбленная старуха с картошками и как тянущийся за подающим старик.

Ласковые и лукавые. Трогающие до слёз. И словно с улыбкою напевающие: «Какая, в сущности, смешная вышла жизнь!.. Хотя что может быть естественнее, чем сидеть на облаке и, свесив ножки вниз, друг друга называть по имени».

И правда! Устроились на мягком облачке, болтая голыми ногами: на руках старухи мурлычет кот с волшебными глазами, на коленях старика похрапывает тёплый калачик собаки...

Дверинские животные – хитроги и неженки – любимы художником не меньше. На всех картинах, где они появляются, остаётся его (и твоя) улыбка: она как улыбка никогда до конца не исчезающего Чеширского кота.

Такая улыбка делает правдоподобно-осязаемым и райский сад Адама и Евы, и иронично-иконописным групповой портрет «Битлов». Она оживляет и преображает работы старых мастеров, которых любит цитировать Константин Дверин.

Художник любовно прорисовывает летящую под лошадиными ногами собаку с гравюры Альбрехта Дюрера «Рыцарь, смерть и дьявол» – и в мрачной истории Северного Возрождения про честь и веру, помогающим без страха идти долиной смерти, появляется беззаветная преданность и лукавство («Кто тут хороший пёсик? Я тут хороший пёсик!»)

...Я гуляю по выставке за два часа до её официального открытия. Даже трогательных белых прямоугольничков с названиями картин пока нет (*женщины-искусствоведы принесут их позже*). Но и без них всё понятно: это перламутровые лошади, это золотые лошади, а это всадники Апокалипсиса, среди которых скачет Смерть, открывшая свои ясные глаза и чуть не закусившая удивлённую нижнюю нежную губку... Коррида. Просвеченные насквозь солнцем итальянские улочки. Еврейский праздник. Жертвоприношение. Мария с младенцем. И, конечно, узнаваемые цитаты: Да Винчи, Микеланджело, Дюрер.

Константина Дверина нередко называют Эндрю Уайетом из Новокузнецка. Художни-

ков действительно многое роднит: любование людьми и незамысловатыми деталями их быта, солнце, одиночество, родной цвет земли.

А я вспоминаю удивительного отца всех Брейгелей – «Мужицкого», – великую любовь, с которой он прорисовывал повседневную жизнь, сенокосы и жатвы, игры детей, подробность и метафоричность мира. И моё сердце открывается.

Ведь об этом искусство, да?

Инна Ким.

(13 мая 2019 г.)

На обложке книги «Диалоги с Сокуровым», изданной в Санкт-Петербурге (2018 г.) – репродукция с картины Константина Дверина «Человек на качелях». Знаменитый российский кинорежиссёр, чьи фильмы признаны классикой отечественного кинематографа, Александр Сокуров прислал свою книгу в знак благодарности новокузнецкому художнику, сделав дарственную надпись на титульной странице.

Они много лет знакомы, встречаются на выставках и совместных культурных мероприятиях в столице, да и просто в дружеской обстановке.

Обмен мнениями, диалоги о творчестве – в общем, роскошь нормального человеческого общения!.

Дорогому
Константину Дверину
в сердечной благодарности.
Всего хорошего и лучшее
А.И. Сокуров.
15 мая 2019 г. С.П.Б.